

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

Тайна
старой усадьбы

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П62

Посняков, Андрей Анатольевич.

П62 Тайна старой усадьбы / Андрей Посняков. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225146-7

1965 год. Покой небольшого северного городка внезапно нарушает известие об убийстве молодой девушки. Преступник подкараулил ее после танцев, а труп бросил в пожарный пруд. Следователь Владимир Алтуфьев задерживает главного подозреваемого — жениха убитой. Однако предъявлять непутевому парню тяжелое обвинение не торопится. Тем более что в это время в заброшенной усадьбе недалеко от города случается новое преступление. Следователь понимает, что имеет дело не с пьяным хулиганом, а с серьезным, хорошо подготовленным преступником, преследующим коварную цель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225146-7

© Посняков А.А., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

СССР. Окрестности Озерска.

Сентябрь 1943 г.

— Партизаны! Герр штурмбаннфюрер, партизаны!
Заглянув в подвал, унтер — увалень в промокнутом
дождевике и каске — вытянулся, ожидая приказа.

Штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер, сутулый, с
бледным узким лицом, раздраженно обернулся и, по-
светив фонариком, посмотрел вверх:

— Партизаны? И далеко?

— Километрах в пяти, за озером, — озабоченно
доложил унтер. Круглое, с красными щеками лицо
его чем-то напоминало бульдожью морду. — Хель-
мут и Ханс утром на рыбалку отправились. Вот
и увидали.

— Увидали! — Брюкнер язвительно усмехнулся. —
А охрану выставить как следует не пытались? А, госпо-
дин Ланге? На рыбалку... Или вы думаете, что вы сей-
час во Франции, в сороковом году. Увы! Это даже не
Эстляндия...

— Так... Посты выставлены в соответствии с уста-
вом строевой службы, господин штурмбаннфюрер! —
Ланге выпятил грудь, пытаясь оправдаться.

Вообще-то он был хорошим унтер-офицером, ис-
полнительным и добросовестным служакой... правда,

не более того. Но и не менее. А этого уже немало! Попробуйте еще толкового унтера подобрать.

— Ладно, Герхард, вы все сделали правильно. Лучше и впрямь, как говорят русские, соломку подстелить... — Фонарик в руке штурмбаннфюрера вдруг замигал и погас.

— Черт! — выругался в темноте Брюкнер. — У вас есть фонарик?

— Да, господин штурмбан...

— Так давайте же! Осторожнее, не свалитесь с лестницы...

Заскрипели ступеньки. Яркий луч фонаря осветил сваленный в углу хлам: холсты, подрамники, кисти...

— Ага... Спасибо, Ланге.

Перехватив фонарик, Брюкнер поблагодарил и тут же распорядился отправить к озеру двух человек — наблюдателей.

— Уже отправлены, господин штурмбаннфюрер! — молодежато выкрикнул унтер. — Ефрейторы Райс и Хайнегер. Хорошие бойцы.

— Хорошо. Докладывать каждые полчаса.

Узкий луч метнулся к лестнице.

— Пока свободны, Ланге. Благодарю за службу!

— Хайль Гитлер!

— Хайль... Да, постоит-ка! С чего вы взяли, что партизаны обязательно заглянут в усадьбу?

— У них подводы, господин штурмбаннфюрер. — Голос унтера прозвучал глухо как в подземелье. Так здесь и было подземелье — подвал, вернее сказать, — потайная комната, обнаруженная Брюкнером только вчера.

Заброшенную усадьбу, где располагался приданный Брюкнеру взвод ваффен СС, штурмбаннфюрер рассмотрел еще в конце лета и решил приспособить ее

под штаб — в обширном подвале было удобно держать пленных и подозрительных. Жалко, от города далеко-далеко, да и дороги вот-вот развезет. Впрочем, в последнее время и ситуация изменилась: теперь не о допросах надо думать, а о том, как бы самим ноги унести. Заодно прихватить кое-что из обнаруженных в потайной комнате ценностей, в свое время так и не доставшихся большевикам. Старинные канделябры, серебряная шкатулка — увы, пустая, — пара портретов в больших золоченых рамах и еще кое-что по мелочи. Все для великой Германии, а как же!

— Говорите — подводы? — Герр Брюкнер никогда не разделял насмешек некоторых своих коллег насчет «русиш телеген». И в самом вермахте гужевого транспорта хватало, здоровенные битюги даже пушки таскали, не говоря уж о всем прочем, да и дороги здесь были такие, что иногда только на лошади и проедешь. Даже «Опель Блиц» — на что уж неприхотливая машина, — и тот не выдерживал, застревал.

— Подводы, господин штурмбаннфюрер, — осторожно понимаясь по лестнице, подтвердил унтер. — Хельмут с Хансом видели две. Плюс еще конники — человек двадцать, все с оружием. Думаю, бандиты отправились за продуктами в ближайшее село. А дорога туда одна — как раз через усадьбу. Эх, да где ж эти мадьяры? Союзнички, черт бы их побрал...

С небольшим венгерским отрядом под командованием капитана Гезы Фаркоша люди Брюкнера должны были встретиться еще несколько дней назад, но так и не встретились, и, где носило этих мадьяр, один дьявол знает.

— Понял... — Штурмбаннфюрер кивнул и прищурился. — Докладывайте, и вот еще что... Всем собираться и быть наготове.

Увалень обернулся, удивленно приподняв брови:

— Я верно понял? Мы собираемся уезжать, господин штурмбаннфюрер? Не дождавшись мадьяр?

— Да, уезжаем. И как можно скорее. Фаркоша мы, похоже, не дождемся, а я вовсе не собираюсь сражаться за эти чертовы развалины в одиночку! Думаю, они не стоят крови наших солдат. А с партизанами мы еще повоюем, успеем! Так что действуйте, Герхард.

— Яволь!

Шаги унтера гулким эхом разнеслись по коридору. Скрипнула дверь... Со двора донеслись команды...

Подводы...

Герр Брюкнер покачал головой и еще больше ссутулился. Впрочем, серая полевая форма с серебряными рунами в петлице очень шла ему. Подтянутый сероглазый брюнет, всегда тщательно выбритый, пахнувший дорогим французским одеколоном, Курт всегда нравился женщинам, а вот жена постоянно пилила ее за сутулость... Ну и что с того? Отвоюем — выпрямимся!

Подводы... Пять километров... А три дня кряду дожидло — значит, дорожка та еще. Час, может, даже два... Или не уходить? Просто разбить к чертям всю эту лесную банду? Два десятка бандитов плюс пара подвод... Поставить пулемет на развилке, стрелков — по кустам, рядом... А потом получить свой заслуженный Железный крест! Это если все получится... А если — нет? Если в руки партизанам попадут секретные папки с агентурой? Кого тогда назначат виновным? Правильно, его — Курта Брюкнера, штурмбаннфюрера СС, первого заместителя начальника озерского гестапо. Сам же начальник и сдаст — штандартенфюрер Крюге тот еще лис, от себя беду отводить умеет. За счет подчиненных, само собой... Так что ну их всех к черту, эти дурацкие

подвиги, куда лучше действовать по-русски — соломку подстелить...

Итак, минимум час еще есть. И есть еще фургон «Опель Блиц», грузовик вполне надежный. Служебный легковой «Мерседес-Бенц» Бюкнер, отправляясь в леса, благоразумно оставил в Озерске. От усадьбы до шоссе — километра четыре по бездорожью. Грузовик еще ничего, справится, а вот легковая...

Что еще прихватить? Что-нибудь бы для себя, такое, небольшое, чтоб не было этих алчных солдатских взглядов...

Что тут еще осталось-то?

Курт осветил фонарком...

Да, похоже, больше ничего ценного. В углу — пара старых икон, пыльные рамы да детские рисунки — дегенеративная мазня, — все какое-то размытое, в цветных пятнах. Ну и художники, верно — да, рисовал ребенок. Ребенок, не умеющий рисовать. Так, наляпал что-то. Едва угадывается усадьба — только контур да далекий лес — почему-то синий. На другом рисунке — вообще совершенно дикая мазня! Какие-то ворота, дома, чернота и яркие желтые пятна. Вероятно, огни. Или звезды. Тьфу!

А вот иконы, пожалуй, тоже нужно прихватить. Только не для великой Германии — для себя лично. Отправить посылкой домой, в Дрезден...

Черт! Что еще за шаги?

— У них броневики, господин штурмбаннфюрер! — склонившись над люком, нервно доложил унтер. — Наверное, наши, захваченные. Очень скоро будут здесь!

— Едем! — Сунув иконы под мышку, Брюкнер заторопился по лестнице. — Вы идите, идите, Ланге. Я догоню...

Поднявшись, штурмбаннфюрер захлопнул люк, или, вернее, лаз. Крышка закрылась быстро и плотно, так что и подумать невозможно, что внизу — потайная комнатка. Большевики — те не догадались, а Брюкнеру просто повезло. На стене, в нише, висела картина, изображающая индейцев. Все как полагается — мустанги, томагавки, перья. Только вот компания там была изображена какая-то странная. Судя по прическам и перьям, гуроны и делавары. Вместе, рядом. А ведь эти племена никогда не дружили — заклятые враги! Курт в детстве зачитывался Карлом Маем, играл с друзьями в индейцев и гуронов с делаварами уж никак не спутал бы. Это же полный позор.

Вот и здесь, на картине... Когда пригляделся внимательнее, заметил, что все воины смотрят вниз... куда — на картине было не видно. Но ведь куда-то ж они смотрели? Зачем-то художник так вот нарисовал? Мало того что смотрели, так один делавар еще и прямо указывал томагавком! Словно бы на пол, в этой вот самой нише...

Курт не поленился, встал на колени, пошарил руками... И нашел-таки небольшую зацепочку, потянул...

Правда, найденная «пещера Лехтвейса» оказалась не столь уж и богата сокровищами, больше — всяким хламом. Однако кое-что нашлось... Эти старинные иконы явно чего-то стоят — их можно продать. И может быть, весьма выгодно... Пусть этим займется жена Марта...

Кстати, здесь, в этой комнате, в случае чего можно спрятать вывезенные из соседнего села папки с агентурными делами — архив. Тамошнее отделение гестапо пришлось спешно эвакуировать — опасно стало. Эту миссию и поручили Брюкнеру, а уж в заброшенную

усадьбу местного графа Возгриня он заехал сам, при-
сматривая новое место для своей конторы...

— Господин штурмбаннфюрер!

— Иду же. Иду.

«Опель Блиц» уже стоял с заведенным двигателем, все солдаты сидели в кузове. Это так говорится, что взвод, на самом деле осталось всего-то восемь человек, включая унтера Ланге и самого штурмбаннфюрера. Задние двускатные колеса, матерчатый тент, выкрашенная в серо-голубой цвет «фельдграу» кабина, лопата на правом крыле. Машина надежная, даст бог, и сейчас не подведет...

Ланге лично уселся за руль. Брюкнер, забравшись в кабину, оглянулся, бросив последний взгляд на усадьбу, чем-то похожую на финскую мызу. Фундамент из мощных замшелых камней, само же здание — деревянное, выстроенное в стиле классицизм, с колоннами и портиком. Когда-то тщательно выкрашенная, усадьба, верно, смотрелась нарядно, даже с некоторым изяществом. Сейчас краска давно выцвела и облезла, даже какой был цвет изначально, угадать уже было сложно, левое крыло здания покосилось, провалилась крыша, стекла оставались только в правом крыле — до войны его использовали местные колхозники во время уборочной и сенокоса.

— Броневики! — Тронув машину, Ланге бросил взгляд в зеркало. — И это точно не мадьяры!

Сзади слышались выстрелы.

— Партизаны! — переключая передачу, напряженно выкрикнул унтер.

Брюкнер поправил на голове фуражку и усмехнулся:

— Надеюсь, наши солдаты не забыли, зачем им пулемет? Или ожидают приказа?

— Нет, — переключив руль, дернул шеей Ланге. — Им приказано стрелять по готовности...

В этот момент послышалась очередь. Машину затрясло — в кузове словно заработала мясорубка или циркулярная пила — так прозвали недавно появившийся на фронте пулемет «МГ-42»!

— Есть! — глянув в зеркало, радостно возопил унтер. — Задымил броневичок! Да с таким пулеметом нам сам черт не брат!

ГЛАВА 1

Бывший райцентр Озерск.

Июнь 1965 г.

— Косинус на синус равно... Ой! Как-то не так все!

Лежавшая на расстеленном невдалеке от забора покрывале девушка лет шестнадцати — высокая, с золотистой косою и полной грудью — задумчиво заглянула в синюю общую тетрадь с надписью «Билеты к экзамену» и возмущенно фыркнула:

— Нет, ну надо же! Это что же, я не все записала? Жень, а у тебя?

— А у меня вроде есть. — Загоравшая рядом соседка — худенькая, смуглая брюнеточка с прической каре — поправила задранную к плечам майку. — Да, вроде бы...

Женя пролистала тетрадь — такую же, как у подружки, купленную в канцелярском магазине «Лентагиз» за срок восемь копеек, только с красной корочкой.

— Ну, я же писала, помню... Да где же? — Девушка округлила глаза. — Вот! Теоремы, задачи... Ну, ты слушаешь, Кать?

Катерина между тем перевернулась на спину, закрыла глаза и подставила солнцу живот. Белый матерчатый лифчик и черные купальные трусы — вот и вся одежда.

Загорали подружки... Впрочем, не просто так — заодно готовились к экзаменам за курс восьмилетней

или, по-новому, девятилетней школы. Раньше, еще лет пять назад, экзамены сдавали бы после восьмого класса, а нынче вот — после девятого, а потом еще предстояло учиться в десятом, а одиннадцатого, как в прошлые годы, уже не было! Десятый был выпускной! И еще — одиннадцатый, по программе которого доучивались те, кто был старше подружек на год. В прошлом учебном году, осенью, в школу вернули десятилетку вместо прежней, одиннадцатилетней программы. В следующем 1965/66 учебном году школу оканчивали последние одиннадцатые классы и — одновременно — новые десятые, таким образом, количество выпускников 1966 года автоматически увеличивалось в два раза! Вот об этом сейчас и вспомнила Катя.

Открыв глаза, приподняла темные очки а-ля знаменитый польский актер Збигнев Цыбульский и повернула голову:

— Ой, как представляю: это теперь все будут десять классов учиться, и мы — первые! Два года в один. Могли бы и экзамены после девятого отменить, коли такое дело!

— Так после восьмого-то не сдавали, — резонно возразила подружка. — Это сейчас сдают... Ну и мы заодно. Говорят, в каждой республике по-разному.

— Дурдом! Зато школу на год раньше окончим! Представляешь, это же здорово!

— Да уж не совсем, — поправив такие же очки, усмехнулась Женя. — С выпускными-то — полный атас! Это же и мы будем сдавать, и одиннадцатые классы! В два раза больше выпуск! Никаких институтов не хватит. Как говорит моя мама, все мозги прокомпостировали!

— А ты после школы в институт собираешься? — Катя облизнула пересохшие губы и потянулась к бутылочке ситро, лежавшей рядом, в траве. Открыла, сделала пару глотков, протянула подружке. — Будешь?

— Давай.

— Ох, Женька... — Привстав, Катерина накинула на плечи клетчатую рубашку и тяжело вздохнула. — Везет же тебе.

— Чего везет-то?

— Как к тебе хорошо загар прилипает. Вон вся коричневая уже. А я только обгораю.

— Зато у тебя грудь, как у Брижит Бардо — вон какая! — утешила подругу Женька. — А у меня... стыдно смотреть...

— Ничего, вырастет еще!

— Ага, как же...

— Так ты в какой институт собралась? — Катерина улеглась на живот, вытянула ноги. — На кого?

— Ну-у... — задумчиво протянула Женя. — Наверное, в педагогический... или на юриста. Не решила еще. Да время есть подумать.

— А я так вообще не хочу в институт. — Сняв очки, Катя беззаботно рассмеялась. — Сразу бы на работу... Или для начала в какой-нибудь техникум. В любой. В какой — не важно.

— Как это — не важно? — привстав, возмутилась Женька. — Ты же в ветеринарный хотела... Или на агронома.

— Расхотела уже. — Катерина повертела в руках очки. Модные, большие. Точно такие же, как у подружки, предмет зависти многих девчат. Точно такие носил знаменитый польский артист красавчик Збигнев Цыбульский в детективе «Девушка из банка», который подружки как раз недавно посмотрели в клубе. Вернее, пересмотрели, первый-то раз ходили еще в прошлом году, летом. Фильм им очень понравился. Как и очки. Еще бы — в «Лентагизе» такие не купишь, даже в соседнем Тяньске не купишь, пожалуй, только в Москве!

— Знаешь, Жень, я бы, может, замуж... за такого вот, как тот артист, Цыбульский. Как в фильме! Ну, помнишь? Как они приехали на курорт и все такое... Вроде бы как по работе. А потом начали целоваться... Вот такая я эгоистка, да! Мечтаю о личном счастье... Мещанка, ага.

— Ой, нутебя. — Женька фыркнула. — А кто в комитете комсомола всегда? Кто во всех общественных делах первый? Да мы с тобой, кто же еще-то? Лидка Щетинникова, что ли? Или Ермакова с Лейкиным? Нет! Все Мезенцева да Колесникова, Колесникова да Мезенцева! Не так? Да без вас, товарищ Катерина Мезенцева, весь школьный комсомол рухнет, а ты еще мещанкой себя обзываешь! На других посмотри!

Женька раскраснелась, даже поднялась на ноги, правда, тут же уселась на покрывало — с той стороны забора прокатил на мопеде какой-то пацан. А и нечего ему смотреть на загорающих девушек, мал еще!

— Ну ты, Колесникова, даешь! — Катя тоже уселась, скрестив ноги. — Этакую речугу задвинула.

— Так что — не так?

— Все так... Но личного счастья я тоже хочу.

— Кстати, о личном счастье... — поправив маечку, усмехнулась Женька. — Это, случайно, не тебя на мотоцикле видели? С участковым нашим, Дорожкиным...

— Нет, не меня! — Катерина замотала головой и, покраснев до самых ушей, тут же спросила: — А кто это тебе сказал?

— Да бабки у колодца говорили.

— Вот сплетницы старые! Подумаешь, один раз прокатилась...

— Сказали — в синем сатиновом платье!

— И не в сатиновом, а из крепдешина! — не удержавшись, похвалилась Мезенцева. — Отрез в Тянке

достали... тетя Фая, материна подруга. Там же в ателье и пошили.

— А! Так вот ты зачем в Тянск ездила — на примерку?

— Ну да...

Женька склонила голову набок и улыбнулась:

— Вообще, Дорожкин — неплохой парень, серьезный. И уже давно глаз на тебя положил!

— Ой, скажешь тоже...

— Положил-положил, не отпирайся! Поди, лейтенант уже?

— Лейтенант... А мотоцикл у него — «Ковровец», ужас один! Представляешь — одно сиденье. Так Игорь поролон подложил... И все равно так трясло, до сих пор попа болит!

Девушки разом засмеялись.

— Значит, уже Игорь? — отсмеявшись, прищурилась Женя. — Завидую. Вот честно! Это все потому, что ты красивая. Не то что я... замухрышка какая-то. У тебя вон и грудь, и все... а я...

— Да не переживай ты! — Катерина обняла подругу за плечи. — Ты тоже очень даже ничего, хоть и худенькая... На певицу одну похожа французскую. Ну, помнишь, мы у тебя маленькую пластиночку слушали? Ма жёнессэ фу ль кам... ла-ла-ла ла-ла-ла...

— А-а-а! Франсуаза Арди!.. Что, правда, похожа?

— Одно лицо! Только у тебя глаза красивее — синие-синие.

Подружки снова обнялись и рассмеялись.

— Завтра у тебя готовиться будем, — завязывая рубашку узлом на животе, предупредила Катя. — Заодно музыку послушаем. А сейчас пойдём-ка перекусим. Окрошку сделаем. У нас квас на хлебных корках. Ну и в залавке что-нибудь поищем. Мама сказала, чтоб без

нее обедали... Ой, Женька! Боюсь, как бы она не прознала про Анатолия!

— Про какого еще Анатолия? — Колесникова непонимающе сдвинула на лоб очки.

Модные очки эти, к слову сказать, прислал Катин старший брат Максим, вот уже около года служивший в Венгрии. Вот так вот — купил и послал. Две пары. Сестре и ее лучшей подруге. Женька обрадовалась. Она по Максиму еще с шестого класса сохла... Правда, это все в детстве было...

— Знаешь, у нас же с Дорожкиным ничего и нет. Все эти охи-вздохи — в прошлом все, — лукаво взглянув на подругу, призналась Катерина. — Да и простоват Дорожкин. Подумаешь, лейтенант! Тебе, как лучшей подруге, скажу — мне давно уже Анатолий нравится, Толик!

— Что еще за Толик? — Женька вдруг осеклась. — А-а! Уж не Анатолий ли Иванович, кружковод?

— Ну... угадала... — сконфуженно призналась Мезенцева. — Только ты пока — тсс... никому.

— А я-то думаю: с чего это ты в фотокружок записалась? Меня еще потянула... А ты вот оно что... Ну... Анатолий Иванович — мужчина красивый, видный... И на артиста Цыбульского похож — да! Только... не слишком ли для тебя старей?

— На десять лет всего-то! — с вызовом бросила Катя. — У меня, между прочим, папа старше мамы на двенадцать лет был. И ничего! Кабы не война проклятая, не раны, так до сих пор бы и жил...

— Да, война... — Женька вслед за подругой поднялась по крыльцу на веранду — летом Мезенцевы там частенько обедали. — Что же до того, что старше... Тетя Вера — женщина не такая уж и строгая. Не как иные, узнает — уж точно не прогонит и не изобьет.

Отца в семье Мезенцевых не было — умер от полученных на фронте ран. Мать же, Веру Ивановну, все в городке уважали и любили за легкость в общении и надежный характер.

— Так-то оно так, — доставая из залавка бидончик с квасом, вздохнула Катя. — Да Толику все девки на танцах глазки строят... Курвищи! Особенно Светка Кротова из десятого «Б»! Вот ведь...

— Ладно тебе ругаться-то... — Женя вымыла под рукоймыником руки и обернулась. — Где у тебя ножик? Ого — колбаска! «Докторская», без жира! Откуда взяли?

— В леспромхозовском магазине выбросили.

— Здорово!

— Еще бы! — Катька наклонилась и принялась шарить в залавке. — Жаль, огурчики еще не пошли... Ага, вот и сметана! И мелкий лук... Чего еще надо?

— Еще яйцо бы.

— Так вот они, яйца-то. На той неделе в «Заре» взяли. Представляешь, без всякой очереди.

— Ну, в «Зарю» не за яйцами, за вином ходят. Ой, какие крупные! По рубль пять?

— Рубль тридцать!

— Дорого. Потому, наверное, и без очереди. Давай только одно сварим — нам хватит как раз.

— Нет, лучше два. — Катерина задумалась, помотала головой. — Мама с работы придет — тоже окрошку покушает.

— Верно.

Поставив варить яйца, девчонки нарезали аккуратными кубиками колбасу, покрошили тонкий лучок-порей да сбегали на огород — нарвали только что появившуюся молоденькую ботву. Все — на окрошку.

Вообще, времена нынче стояли неголодные, но и не очень-то сытые. Слава богу, волонтаризм до городка

докатился не особенно сильно — голодных бунтов не случилось. Однако приусадебные участки порезали, да со скотом и с домашней птицей стало куда хуже. В продуктовых магазинах все доставалось с очередями — даже за хлебом очередь, что же касается рынка, так там сразу после денежной реформы цены скакнули в разы и с тех пор толком так и не опустились.

Весна, начало лета — самое голодное время. Все прошлогодние запасы подъедены, а нового еще ничего не выросло. Еще месяцок — и пойдут овощи: лук, редиска, морковь со свеклою, а там и до картошки недалеко. Да и в лесу, рядом, — ягоды да грибы. Бери — не хочу, множество.

— Завтра пластинки послушаем. — Наливая в чугунок квас, Катерина подмигнула подруге. — «Лучший город земли» есть у тебя?

— Есть.

— Обожаю Магомаева! А еще что новенького? Не присылали из Риги?

Старшая сестра Женьки Лена вышла замуж за моряка, старпома из Риги. Туда и переехала и работала на радиозаводе ВЭФ. Женька ездила в Ригу почти каждые каникулы, покупала модные пластинки, которые потом слушала дома на проигрывателе-чемоданчике «Юбилейный». У Колесниковых еще была радиола «Ригонда», но эта считалась как бы родительская, «чемоданчик» же был подарен лично Женечке.

— Ну, кое-что прислали. — Очистив яйца от скорлупы, Колесникова потянулась к ножичку. — Да и сама весной ездила, купила ансамбль «Дружба». Наш, ленинградский...

— А! — перемешивая окрошку, вспомнила Катя. — Там еще девушка поет... похоже, нерусская.

— Эдита Пьеха.